

Ирина Рыткя

г. Нижнеудинск

Музыка

ты обо мне звучал не обо мне
смотрел вперёд и под ноги под сердце
а пруд пруди в канаву обмелел
посеребрел как в судный день освенцим

слова я вынимала из ковша
из глаз озёр соломинку соринку
и было трудно берегом дышать
и можно было вынырнуть у рынка

где на столах кинза и малахит
где в цинковых тазах белеют рыбы
согласные на ужин из уха
но гладь воды встопорщилась на прибыль

и вот она могучая река
шуга по ней как зимних снов отрепье
и музыка над головой легка
её над нами шепчет некто третий

Апрельская молитва

когда в голове ни прозы ни розы
ни строчки рифмованного бла-бла
бегу до последнего паровоза
считаю встречные купола
пасхальный благовест слух пронзает
весна рождает себя сама
а я кидаюсь в вагонов стаю
и вот мелькают уже дома
и акведуки и светофоры

рассвета дымка и плоть полей
я доберусь до конца нескоро
дорога вязкая точно клей
зигзагом ходит петляет ниткой
уводит в серые тополя
сползает ночь по стене улиткой
за юбку колокол теребя -
шестое чувство прозрачный кокон
гнездо апрельской моей души
под звонкой ложечкой станет цокать
стальная конница госпожи
о мать божья святая дева
царица высшего мираиам
поймай нас в нерукотворный невод
в свой тихий присноблаженный храм

Американо

Он говорит мне, что всё в порядке,
что всё забылось, срослось, как встарь.
А саблезубые жеребятки
жадно вгрызаются в календарь.

Двадцать второе... восьмое мая.
Брякает осень, за ней январь.
И не видать ни конца, ни края.
С медных кастрюль отлетает ярь

в этом безвременном супермаге,
где потроха продают с лотка.
Память – улитка о Пастернаке —
хрупкая и на зубок сладка.

Вырасти трудно, когда ты вырос,
вырастет трутень за март-апрель.
Американо шипит на вынос
под соловьиную трель.

Господь Саваоф

Свят, свят, свят Господь Саваоф —
шестикрылые серафимы — глашатаи этих
слов,
которые я, как плащ, на себе носила,
вытаскивая из житейского ила
то серые камни, то ножницы для плавников,
картон и бумагу из стареньких дневников,
браслеты и серьги, и даже часы золотые.
И тщательно мыла налитое козье вымя —
вот так начиналось утро в моём дворе:
горячая плоть земли становилась щедрей,
простуженный хлев царапали когти веток
разросшейся сливы, и выжимали ветошь
мои молодые руки,
и взгляд козы
установился в свет пропускающие пазы,
где плавился запах когда-то зелёных сосен.
А к шее козлёнка уже подступила осень.
И звали отца, и стол накрывала мать,
я ей помогала из подпола вынимать
морковку и жёлтый пузан картофель.
Художник небесный нас всех нарисует

в профиль
и даже анфас для будущего Судьи.
Вот так и живём и крепко на том стоим —
меняем войну на смертный рушник и мир,
и падает снегом протёртый творог и сыр
на ледяное, тугое, как парус, небо.
И точно мохнатый зверь расцветает верба
и пахнет новорождённой в ночи весной.
Держи меня за руку, просто побудь со мной,
 послушай, как в сердце стучит Господь
Саваоф —
он тянется блеском из чёрных квадратов
зрачков.

Катманду

Иногда хочется сочинить какую-нибудь
ерунду -
липовый мёд, поцелуй меня, обними.
Но сворачиваешь с пути в родное своё
Катманду
и полощешь бельё в ледяной Оби.

Распашонки, пелёнки, фланелевые
ползунки -
всё богатство укладываешь в
эмалированный таз.
Не отвечаешь никому на сообщения
и звонки.

Намыливаешь дорожки, ковёр и палас.

Вот она жизнь, думаешь, вот она настоящая!
Редиска, морковка, чеснок и зелёный лук.
На камушке греется живородящая ящерица.
Не выставляй в Instagram пасторальный
look, -

говорит в тебе обновлённый голос цветов
и полей.
Забудь про вай-фай, про мессенджер
и фейсбук.
Напеки лебединых свадебных кренделей,
пригласи на девичник старинных своих
подруг.

Иван-чай, берёзовый веник, сосновый
дух,
разгорячённая баня на самом краю села.
О сокровенном мечтаю негромко вслух -
как бы я от тебя в эту ночь ангела понесла.

На лодочке

будь мне иваном плыви по реке
на моторной лодке
в беленькой вышиванке в красной
косоворотке
днепр расходится шире волга стучится
в днище
где-то здесь жили-были наши прабабки
нищие
а над рекою вотчина десять саженьей
пашня
домики заколочены выйти на берег
страшно
в небе играет солнышко жарит верхушки
ёлок
громко бормочет колокол руки съедает
щёлок
русь ты моя болотная жирная кровь
ярёмная
не проплыви на лодочке мимо меня
ерёма

